

НАДО ЛИ ВОСПИТЫВАТЬ МУЖЧИН?

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЖЕНЩИН

В беседе участвуют заслуженные артистки РСФСР
Алла ДЕМИДОВА и Валентина ЛЕОНТЬЕВА

Новая структура взаимоотношений в семье, вызванная социальными и экономическими положениями женщины, завоеваниями научно-технической революции, изменением самого ритма жизни и целым рядом других причин — вот тема многих читательских писем. Звучит она

и в обширной читательской почте, пришедшей после опубликования очерка Аркадия Ваксберга «Семейная драма» («ЛГ», № 40, 1973) и некоторых откликов на него («ЛГ», № 50, 1973).

В ряде писем читательницы выразили удивление, почему «такую тонкую ситуацию дали

распутывать мужчине». Редакция сочла уместным прислушаться к голосу тех, кто хотел бы взглянуть на эти проблемы глазами женщин.

Так родилась мысль беседовать на темы, волнующие многих читателей, с двумя всеми уважаемыми, всенародно известными женщи-

нами: заслуженной артисткой РСФСР Аллой Демидовой, воплотившей на сцене и на экране образы многих наших современниц, и с той, кто ежевечерне «без стука входит в дом», становясь как бы членом миллионов семей, — заслуженной артисткой РСФСР диктором Централь-

ного телевидения Валентиной Леонтьевой. Что думают они о нравственных и общественных проблемах, поднятых писателем и читателями, откликнувшимися на его очерк? Беседует с Аллой Демидовой и Валентиной Леонтьевой журналистка Галина Бельская.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вас не удивляет, что я обращаюсь к вам с вопросами, не имеющими прямого отношения к искусству, к близким каждой из вас профессиональным проблемам?

В. ЛЕОНТЬЕВА. Пожалуй, нет. У меня, например, огромная «женская» почта. Телезрительницы рассказывают о своей жизни, просят совета. Видимо, с человеком, которого все время видишь на «домашнем» экране, хочется поделиться наиболее важным, доверить ему личную тайну. И потом... При любой профессии женщина остается женщиной. И все, что волнует каждую женщину, волнует и меня.

А. ДЕМИДОВА. На актрису, создающую образы передовых современниц, подчас смотрят как на некий идеал: уж она-то все знает, все понимает, всех рассудит...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот вы, Алла Сергеевна, взяли бы «красудить» героев «Семейной драмы»?

А. ДЕМИДОВА. Не знаю, не знаю... Очень нелегкое это дело — судить людей, попавших в столь драматичную ситуацию. Не случайно же и Аркадий Ваксберг начинает свой очерк с того, что ему не хочется никого судить.

В. ЛЕОНТЬЕВА. И все-таки он их судит! Да и как же иначе? Можно ли представить себе публициста, взявшегося распутать сложнейший нравственный, житейский узел и устранившего при этом от всякого выражения своих симпатий и антипатий?

А. ДЕМИДОВА. И все же в истории, рассказанной Ваксбергом, виноваты все, решительно все. Потому что, каждый по-своему, они все оказались эгоистичными, черствыми, злыми: Люда, пренебрегшая женским достоинством, унижившаяся до шантажа, до угроз, до отщепенства; Галина, которая готова была личное счастье строить на чужой беде; родители Виктора, даже не пожелавшие взглянуть на своего внука — первенца их сына...

«Семейная драма» привлекла мое внимание прежде всего именно тем, что автору удалось зримо показать трагические, разрушительные последствия черствости и озлобленности, которые деформируют души. Доброжелательность, мягкость, сострадание — все эти понятия, исконно присущие нашим людям, в глазах некоторых становятся чуть ли не архаизмом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Один мой знакомый, очень зеленый юноша, когда мы заговорили на эти темы, снисходительно воскликнул: «Доброта теперь не в моде...»

А. ДЕМИДОВА. И самое печальное: таких, как он, развелось не так уж мало. Сейчас много говорят о коммунистичности. Заметила ли вы, что чаще всего некоммунистичны, как раз люди равнодушные и злые, потому что доброты всегда коммунистична.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Недобрые родители, недобрая среда воспитывают недобрых детей. Посмотрите, как бездушно родители Виктора встречают «незваную гостью» — Люду и ее ребенка, то есть их внука. Им не мила эта «незаконная» подруга их сына, и они считают возможным выставить ее вон. С ребенком!.. Прояви они хоть немного чуткости и доброты, драма не вылилась бы в трагедию.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь в очерке ясно сказано, почему родители Виктора встретили внезапно появившуюся Люду так отчужденно...

А. ДЕМИДОВА. Верно! И все же... Да пусть она хоть тысячу раз плохая, эта Люда, — в доме ребенок, внук, первенец! Какое имеет значение, хороша ли его мать, правильно ли поступил сын, неправильно ли?.. В такие минуты особенно требуют участия, тепло, доброта.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Далеко не все матери стараются воспитать у сыновей умение уважать и почитать своих будущих подруг. Они не прививают им, извините за несколько высокопарное слово,

культ женщины, с которой их сын будет близок. А тем паче — культ будущей жены. Мало ли мы знаем семей, где невестка воспринимается чуть ли не как враг, посягающий на «родную кровь»? Многие свекрови с поразительной быстротой забывают тот день, когда сами неумелыми женами входили в дома своих мужей.

У меня — сын. И я знаю, что через каких-нибудь 10—12 лет придет девушка и забереет его. Но ведь и я была когда-то для своей свекрови такой же девушкой, которая увела ее сына.

А. ДЕМИДОВА. Мы несколько отвлечлись, забыв о главном герое очерка, трагической жертве возникшего нравственного конфликта, — о Викторе. Любопытная и весьма знаменательная примета времени: в другие эпохи жертвой внебрачной связи стала бы Люда. Это ей пришлось бы расплачиваться за «незаконнорожденного» ребенка. Именно ее затравили бы церковью, обществом, «добропорядочная» среда. А теперь удар пал на того, кто раньше был бы лишь окружен романтическим ореолом «сердцееда», любимца женщин...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, вы считаете, что кто-то «расплачиваться» за это все-таки должен?

А. ДЕМИДОВА. Во все нет! Я солидарна с Аркадием Ваксбергом: в близости свободных мужчин и женщины нет ничего безнравственного, если эта близость не строится на обмане, если она не наносит ущерба обществу или другим людям. Глубоко права читательница Н. Новикова из Свердловской области («ЛГ», № 50, 1973): «Крепкая семья, основанная на большой любви, — наш нравственный идеал, и счастлив тот, кто познал его не в книгах, а наяву. Но и отношения людей, построенные на обоюдном желании быть вместе, нельзя третировать как безнравственные». В самом деле, разве только любовь мо-

жет привести двоих друг к другу? А нежность, взаимопонимание, одиночество, потребность в ласке, доверии?.. Да мало ли... И — не скрою — я с большой тревогой читаю некоторые бескомпромиссно жестокие, подчас озлобленные письма — отклики на очерк А. Ваксберга, где авторы пытаются все многообразие и сложность жизни втиснуть в прокрустово ложе умозрительной, примитивной схемы: или высокая любовь — или низменная, «животная страсть», которую авторы писем величают, разумеется, «грязным развратом». Что самое грустное: кое-кто из приверженцев этой схемы — педагоги или люди, имеющие самое непосредственное отношение к воспитанию молодого поколения.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Может быть, это как раз те педагоги, с которыми мне недавно пришлось столкнуться? Ну, не те самые, конечно, а похожие на них: не любящие детей, свое дело... Был у нас недавно конкурс на место диктора телевидения в женскую группу. Пришло много так называемых интеллигентных девушек, едва ли не большинство — учителя начальных классов. Как убог их словарь, как беден интеллект!.. Я спрашивала их: «Почему вы решили бросить профессию учителя и пойти в дикторы?» Знаете, что они отвечали (каждая, разумеется, порознь)? «Я не люблю детей!» Значит, они куда-то не поступили и пошли в педагогический вуз — с нелюбовью. И, не пройдя телевизионный конкурс, они вернулись в школу — к ненавистным им детям... Вернулись, чтобы бездушно воспитывать участников будущих «семейных драм» — неустойчивых Викторов, жестоких Людмил и рациональных Галин.

А. ДЕМИДОВА. Нисколько не умаляя роли педагога, я думаю, что трагедия Виктора — не только результат порочного воспитания. В ней отразились пусть в гипертро-

фированной, даже, если хотите, патологической форме некоторые характерные черты, присущие известной части наших современников — мужчин.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что вы имеете в виду?

А. ДЕМИДОВА. Инфантильность... То есть детскость. Не способствуем ли, кстати, и мы, женщины, развитию в мужчинах какой-то «детскости», то есть беспомощности, незащищенности? Принято детям ни в чем не отказывать, их балуют и опекают. А разве мы не забавовали, не разнежили «сильный» пол? Не слишком ли легко порой достается ему, этому «сильному» полу, женщина, ее любовь, ее привязанность? Природа вложила в мужчину «инстинкт охоты», то есть необходимость борьбы за женщину. Может быть, чрезмерная доступность женщины атрофировала этот инстинкт? И результат: мужское невнимание, равнодушие, эгоизм — то, на что все чаще стали жаловаться женщины. Порой не без оснований...

КОРРЕСПОНДЕНТ. А может быть, дело в том, что мужчины просто разучились любить? Есть и такая точка зрения. Отсюда и невнимание, и холодность, и капризы. Ведь любящий, каким бы инфантильным он ни был, просто не может остаться равнодушным: любовь повелевает ему быть внимательным и заботливым.

А. ДЕМИДОВА. Я абсолютно убеждена, что женщина, и только женщина, может творить любовь. Не поймите меня превратно: я вовсе не из тех, кто считает, что мужчины не умеют любить, что ему-де недоступны сильные чувства. Это просто абсурд!.. Нет, я о другом: если женщина по-настоящему любит, ее любовь всегда вызовет ответное чувство. И не надо прибегать при этом ни к каким ухищрениям или уловкам. Любовь — это талант. Излучаемые ею токи не могут не вызвать ответных.

И в том, что мужчины к нам невнимательны, тоже мы

виноваты. Мы не воспитываем их, не вырабатываем в них, если хотите, рефлекс внимания. Что мы теперь — сильный пол, это они поняли. Что они — слабый, с этим смирились. Мы, как сильные, опекаем их, ухаживаем за ними, а они, слабые, очень довольны этим. Утеряно ощущение того, что женщину все время нужно окружать вниманием. Мужчин надо воспитывать. И сделать это должны мы, женщины...

В. ЛЕОНТЬЕВА. Ну, вот еще!.. Почему это, хотелось бы знать, женщины должны воспитывать взрослых мужчин? Не воспитались вовремя, пусть пожинают плоды своей невоспитанности.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Точка зрения Аллы Сергеевны имеет, между прочим, довольно авторитетных сторонников. Вы читали только что опубликованный «Иностранной литературой» (№ 1, 1974) трактат, который претендует на то, чтобы стать пособием для начинающих жен?

А. ДЕМИДОВА. «Письма к Незнакомке» Андре Моруа?..

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Я не согласна с многими рецептами Моруа. Ведь Моруа требует от женщин, даже ярко одаренных, полного самоотречения, призывает их отодвинуть себя на второй план во имя карьеры и успехов мужчины!

А. ДЕМИДОВА. У современной женщины это, конечно, может вызвать только улыбку. Но некоторым советам Моруа нельзя отказывать в житейской наблюдательности. Вот, например: «Мужчина в любви ищет мира, а не войны. Счастливы женщины нежные, ласковые, их любят больше. Ничто так не раздражает мужчину, как агрессивная женщина. Амазонками восхищаются, но их не любят». К мыслям умных, наблюдательных людей иногда стоит прислушаться.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Если пользоваться терминологией Моруа, то Люда из «Семейной драмы» — агрессивная

амазонка. Она была воинственной и требовательной и, несмотря на свою энергичность, проиграла. А ленинградская Галина, вероятно, была ласковой и мягкой, оттого и быстро прибрала Виктора к рукам.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Я категорически против каких-либо дипломатических отношений в семье. Если строить семейную жизнь по рецептам Моруа, отношения становятся неискренними, фальшивыми.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все-таки, когда мы любим, хочется делать приятное любимому человеку.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Но не умышленно, а только если возникает внутренняя потребность. Тонкий мужчина сразу поймет, искренна женщина или нет, а «глухарь», наслаждающийся нашей лаской, нам же самим скоро попросту надоест. Без конца комбинировать и рассчитывать отношения друг с другом — да это же напряженнейший, мучительный труд! Ну нет уж, увольте... И пусть наших мужчин воспитывают их матери, а мы будем воспитывать своих сыновей.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Здесь не раз употреблялись выражения «сильный» пол, «слабый» пол. Ясно, что эти понятия теперь сугубо условны. Вопрос в том, перестала ли женщина, оказавшись «сильным» полом, быть в то же время и полом «слабым» — физически и душевно? То есть более ранимой, нуждающейся в защите, в освобождении от каких-то чрезмерных нагрузок?

А. ДЕМИДОВА. То, что раньше было принято называть эмансипацией, дало женщине массу привилегий, но разве оно при этом не забирало очень важное — время, необходимое для исполнения высокого предназначения — быть хранительницей домашнего очага в самом широком смысле слова?

В. ЛЕОНТЬЕВА. А я думаю, что главное ее предназначение — целиком отдать себя людям, любимому делу. Как

бы ни складывалась моя личная жизнь, главное для меня — это моя «повенчанность» с телевидением, хотя я очень люблю свою семью. Но лишь сознание того, что я нашла себя, нашла любимую работу, где происходит максимальная отдача, — лишь это делает меня счастливой. Дарить себя — вообще назначение женщины, дарить себя семье — это прекрасно, но гораздо большее счастье — дарить себя огромному числу людей, приносить им тепло и радость. Вот в этом я вижу истинную примету нашего времени.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Кстати, заметили ли вы, что в очерке «Семейная драма» ни слова не говорится о том, как работали Люда, Галина и Виктор? Не где, это, в общем, не столь важно, а именно — как. Какую роль дело играло в их жизни?

В. ЛЕОНТЬЕВА. Аркадий Ваксберг не написал об этом потому, я думаю, что ему нечего было написать. Ведь очерк — документальный, и автор ничего не позволил себе домыслить. Но между строк легко читается, что его герои отнюдь не были снедаемы жаждой творчества. Скорее всего, они относились к работе, как к неизбежной необходимости. Быть может, Виктор не запутался бы в любовных «коллизиях», будь он увлечен любимым делом. Быть может, Людмиле не пришлось бы в голову заниматься склоками и шантажом, если бы она была захвачена жаждой общественной деятельности.

А. ДЕМИДОВА. А я снова про свое... Быть может, не было бы этой драмы, если бы ее участники — все вместе и каждый в отдельности — были благожелательны и добры. Доброта... Вот чего не хватает иным из нас.

В. ЛЕОНТЬЕВА. Ну, с этим я полностью согласна.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И читатели, я думаю, тоже. Впрочем, кто знает?.. Подождем их писем.